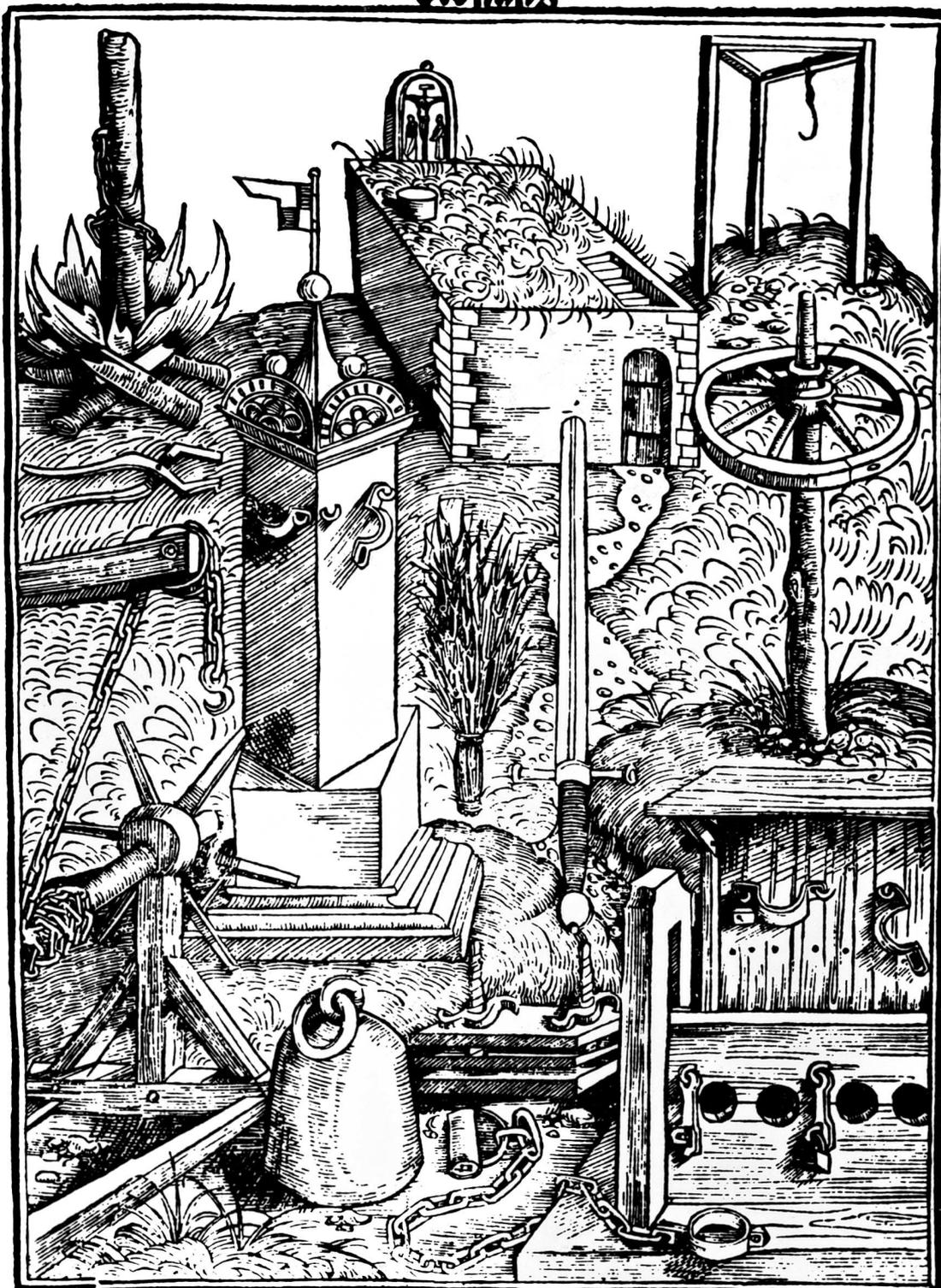

Оглавление

Введение	7
<i>Глава 1</i>	
За семью замками	17
<i>Глава 2</i>	
Подвешивание и растягивание	37
<i>Глава 3</i>	
Давление	49
<i>Глава 4</i>	
Испытание огнем	67
<i>Глава 5</i>	
Пытки водой	83
<i>Глава 6</i>	
Силы природы	101
<i>Глава 7</i>	
Избиение	119
<i>Глава 8</i>	
Отрезание и протыкание	137
<i>Глава 9</i>	
Электрошок	149
<i>Глава 10</i>	
Психологическое насилие	159
<i>Глава 11</i>	
Смертная казнь	171
<i>Эпilog</i>	
Конец пыток	185
Библиография	188
Алфавитный указатель	189
Иллюстрации	191

Brandenburgische Halsgerichtsordnung

Введение

В 2004 г. телезрители и читатели газет по всему миру были потрясены фотографиями из тюрьмы в Абу-Грейбе, недалеко от Багдада. Эта иракская тюрьма еще в годы правления Саддама Хусейна приобрела дурную славу из-за применявшихся в ней пыток и жестокого обращения с заключенными. Вот только на этот раз пытками занимались американцы. На одной из фотографий женщина-солдат держала на поводке обнаженного человека в ошейнике, который лежал перед ней, неспособный двигаться то ли из-за травм, то ли от страха. Были фотографии раздетых, лишенных человеческого достоинства узников, сложенных в живые пирамиды из голой плоти. На другом снимке был забившийся в угол человек, в лицо которому скалилась овчарка: солдат специально держал ее за поводок совсем близко к жертве. Страшнее всего, пожалуй, была фотография человека с мешком на голове, стоящего на ящике: его пенис и разведенные в стороны руки были привязаны проволокой. Но для многих комментаторов явный чувственный ужас этих фотографий оказался не главным. Сильнее его стало тихое, еще более злое понимание моральной катастрофы. В последовавшие недели и месяцы стало ясно: пусть правительство США и осудило выявленных преступников и их непосредственное тюремное начальство, реальных карательных мер против них предпринимать никто не собирался. Влиятельные фигуры выражали озабоченность этими гуманитарными проблемами — но их позицию сочли препятствием для политики запугивания, которую проводили агенты США. Президент Джордж Буш прямо говорил об «альтернативном наборе процедур», а его представитель, Дик Чейни, в прямом эфире обсуждал допустимость «погружения в воду» — то есть неполного утопления.

В течение последних нескольких лет люди привыкли думать, что события 11 сентября «все изменили». Отчасти это правда. Больше всего, пожалуй, пострадало привычное убеждение, сформированное новейшей историей: мнение, что пытки как явление медленно, но верно исчезают. К концу XX в. казалось, что агент-одиночка или офицер может сойти на путь зла, но в целом цивилизованный мир так не поступает. Это было еще представимо в оставшихся коммунистических странах, банановых республиках и восточных деспотических

В картинах Энхарда Шена запечатлен мир ужасов: нюрнбергский инвентарь германских палачей начала XVI в., их инструменты и реки крови.

Рядовая Линди Энгландиз военной полиции США держит беспомощного пленного на поводке, как собаку. Это – знаменитая фотография из иракской тюрьмы в Абу Грейбе. Когда-то предполагалось, что присутствие женщин в армии – примета современной цивилизованности. Однако жестокость, как оказалось, не ограничивается ни возрастом, ни полом.

режимах – но именно из-за таких вещей эти государства и считались париями. Что до Запада, подобные практики полагали оставшимися в прошлом. Теперь же, как бы ни виляли лидеры западных стран, когда речь идет о пытках, последние воспринимаются как вполне реальные и опасные для нашей демократии.

Пытки и правда

«Но как пытать?» – спрашивает судья в комедии Аристофана «Лягушки» (ок. 406 г. до н. э.). Ему отвечают:

«По-разному: плетями бей,
 Души, дави, на дыбу вздерни, жги, дери,
 Крути суставы, можешь в ноздри уксус лить,
 Класть кирпичи на брюхо».

Историки могут быть не вполне уверены, что имелось в виду под «дави», но остальные описания пыток звучат весьма знакомо. Древнее отношение к пыткам как к способу получения информации было, однако, довольно сложным. Слово «пытка» у древних греков звучало как «басанос» — и этим же словом назывался пробный камень, которым проверяли чистоту золота. В качестве такого камня применяли темную разновидность сланца: если потереть «басанос» достаточно чистым золотом, на нем оставался особый след, не похожий на след других металлов и сплавов. Камень был инструментом менялы тех времен — и точно так же пытка была инструментом судьи: единственным надежным способом проверить, правду ли говорит свидетель.

В Греции никогда не пытали свободных граждан: предполагалось, что все они люди благородные и никогда не лгут суду. Однако при допросе рабов пытки считались не просто допустимыми, а прямо-таки обязательными. Показания раба в афинском суде не рассматривались, если только не были даны под пыткой. Убеждение, что ужасная боль — гарантия правдивости, сейчас выглядит для нас как противоречащее здравому смыслу. Нам-то интуиция подсказывает, что под пытками человек может наговорить что угодно. Но наша точка зрения опирается на очень современные представления о человеке, самостоятельном и обладающим своей собственной истиной. Для грека или римлянина истина была безлична, отдельна от человека и значительно больше, чем сам человек. И уж, конечно, больше, чем человек, родившийся в рабстве или семье низкого статуса.

Подобных же убеждений придерживалась Европа XV–XVI вв. Истина — не в словах свидетеля, а в его теле. Словам свидетелей доверяли крайне мало, типичное руководство для следователя тех времен уделяло много внимания тому, что мы сейчас называем языком тела:

«Судья должен пристально смотреть на обвиняемого в течение всего времени допроса, внимательно наблюдая за движениями. Если обвиняемый дрожит, плачет или вздыхает, следует спросить его о причине этого. Если он запинается, мешкает с ответом или же медлит и раздумывает над своими словами, то судье следует настойчиво повторять вопросы...»

Истину полагали заключенной в теле свидетеля, задачей же палача было добраться до нее при помощи боли. Этот подход выглядит чуть менее странным, если познакомиться с рассказом Шейлы Кассиди, английского врача, которую арестовали и пытали в пиночетовском Чили в 1975 г. Ее раздели, чтобы она почувствовала уязвимость своего

*Многие
согласятся, что
истинная задача
пытки — создание
атмосферы
ужаса.*

тела, растянули и привязали к металлической кровати, к которой был подведен электрический ток. Ей ввели глубоко в вагину электрод, а еще одним проводом водили по всему телу, чтобы палачи могли вызывать у нее спазмы в любой момент. По ее словам, в этой ситуации она «не могла лгать из-за частых и сильных ударов током, даже думать не могла». Если она и пыталась хитрить, из-за боли у нее это не получалось.

То есть, когда речь идет о конкретной личности, классическая теория может оказаться до некоторой степени верна. Но современные знания изрядно отредактировали древнее философское представление о связи тела и истины. В XVII в. Декарт в своей знаменитой теории о дуальности физического тела и бесплотной души положил начало четкому разделению этих двух явлений. Пытать людей от этого не перестали, но теперь пытки считались рычагом, заставляющим человека сказать то, что он скрывает в своих мыслях. Истина более не считалась чем-то безличным, спрятанным в теле.

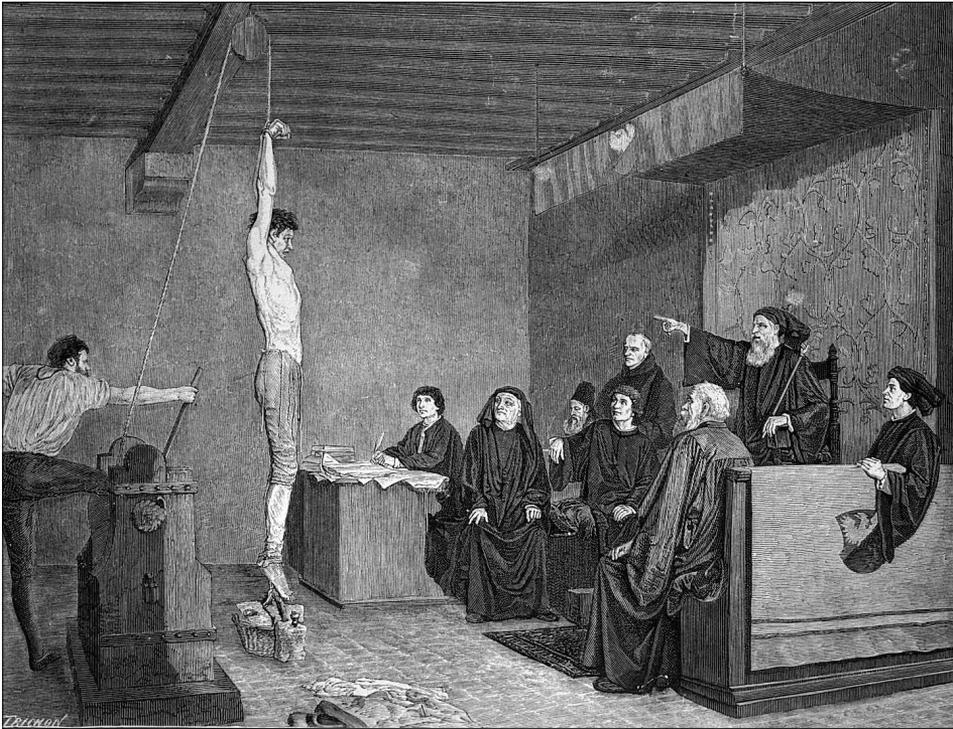
До того процесс добывания из человека правды был практически сакральным действием, теперь же он стал жестоким инструментом достижения цели – неизбежным злом, но все-таки злом. Начиная с XVIII в. (эпохи Просвещения) мы видим, как культура движется к отказу от пыток.

«Уже в XVI в. французский мыслитель Монтень высказывал свое отвращение к тому, что полагал лишь садизмом на государственной зарплате:

«Я не в состоянии был поверить, пока не увидел сам, что существуют такие чудовища в образе людей, которые готовы убивать ради удовольствия, доставляемого им убийством, которые рады рубить и кромсать на части тела других людей и изощряться в придумывании необыкновенных пыток и смертей; при этом они не получают от этого никаких выгод и не питают вражды к своим жертвам, а поступают так ради того, чтобы насладиться приятным для них зрелищем умирающего в муках человека, чтобы слышать его жалобные стоны и вопли. Вот поистине картина, которой может достигнуть жестокость».

Его протест был подхвачен в следующем столетии. Все больше такие писатели, как Вольтер, напрямую говорили о пытках как варварской практике. В 1708 г. Шотландия отказалась от применения пыток, в 1740 г. ее примеру последовала Пруссия Фридриха Великого, жестокого воинственного монарха. Против пыток выступали все громче: итальянский писатель Чезаре Беккария приводил сокрушительные для

*«Не могла лгать
из-за частых
и сильных ударов
током...»*

И все же пытки не были изгнаны в тайные подземелья: еще в новое время их полагали достойной частью юридической процедуры, как видно по этой гравюре.

того времени аргументы в своем сочинении «О преступлениях и наказаниях» (1774 г.):

«Никто не может быть назван преступником до вынесения приговора суда... Если доказано, то оно подлежит наказанию исключительно в соответствии с законом, и пытки излишни, так как признание обвиняемого уже не требуется. В случае если нет твердой уверенности в том, что преступление совершено, нельзя подвергать пытке невиновного, ибо, согласно закону, таковым считается человек, преступления которого не доказаны».

Дания отказалась от пыток в 1771 г. Испания сделала их незаконными в 1790 г., Франция — в 1798 г., Россия — в 1801 г. Эти официальные объявления следует рассматривать с некоторым скептицизмом, потому что реальные практики могли совершенно не отражать официальную политику. И все же было видно, как меняется отношение к пыткам: теперь они уже не обычный инструмент государственной власти — они ее постыдная тайна. Просвещение было достойно своего имени, по крайней мере в деле изгнания пыток из сферы официальной в сферу тайного и неприглядного. Для большей части Европы широкое применение пыток осталось

Показанное здесь кровавое зрелище – художественное преувеличение, но есть в этом изображении Германии начала XVI в. и доля правды. В религиозных распрях тех времен ненависть была столь сильна, что крайняя жестокость легко находила оправдание.

в прошлом. Исключений, конечно, хватало: тут можно вспомнить и царскую Россию, и эпоху Ленина и Сталина, не говоря уж о гитлеровских нацистах и фашистах Европы времен Второй мировой войны, а также их позднейших духовных последователях из Греции, Португалии и Испании. Но поступавших так полагали отщепенцами: достойные правительства пытки не применяли.

Подобные воззрения, однако, не касались заморских колоний Европы: там к местному населению относились как к страшным и достойным презрения дикарям, нередко насаждая дисциплину через боль.

В условиях колоний европейские садисты получили карт-бланш. Во времена короля Леопольда и владычества Бельгии в Конго Рауль де Преморель надзирал за производством гуммиарабика на реке Касаи. Он прославился тем, что насильно поил «вредителей» большими дозами касторового масла. Другой европеец, по имени Альберик Детьяге, стал известен тем, что, когда местные рабочие, пытаясь выполнить навязанный им план по весу продукции, добавляли в каучук землю или камешки, он заставлял их этот каучук есть. Англичанин сэр Фрэнсис Гальтон, один из основателей расовой теории конца XIX в., рекомендовал воздействовать на непокорных носильщиков при помощи кипящей воды или раскаленного песка. А на американских плантациях истязаниям подвергались чернокожие рабы. В Европе пытки искоренили, но за ее пределами их применяли без малейших вопросов.

Пытки и технологии

Как написал один современный комментатор, «Главный инструмент палача – кулаки и сапоги. Все остальное излишне». Надо сказать,

что в тысячах армейских казарм и полицейских участков по всему миру большая часть боли и увечий причиняется именно таким образом, без всяких дополнительных ухищрений. Порой пытающие пользуются подручными средствами – ножом, ремнем, бутылкой или горячей сигаретой.

Но большая часть из нас, думая о пытках, представляет себе всевозможные приспособления: камеру с загадочными механизмами, зубчатыми машинами, колесами, крючьями и так далее. Это происходит не только оттого, что мы смотрим слишком много фильмов ужасов. В течение многих столетий люди изобретали устройства для пыток куда более сложных и методичных, чем избиение.

Превращение пытки в ритуал имеет большие последствия. Пытающий при этом полагает, что он действует не из звериной жестокости, а отстраненно и обдуманно. Обезличивание участника в этом случае важно. И в испанской инквизиции, и в советском КГБ применялись пытки ради «высокой» цели. И там, и там велись обстоятельные записи этих допросов, превращающие дикость в корректно-формализованный процесс. Это объясняет давнюю популярность таких продвинутых устройств, как дыба и тиски.

Советские «психиатры», приравнивавшие диссидентство к психическому заболеванию, накачивали своих «пациентов» психотропными препаратами. Священники в инквизиции полагали, что ими движет не личная злоба, а стремление к высшему благу: они действовали во имя Бога, Церкви, Католического сообщества и даже спасения души своих жертв. Отсюда происходит и капюшон на голове палача, делающий его анонимным, и сдержанная ученая манера речи самого инквизитора. Поэтому таким неожиданным оказывается срыв личины, как в истории францисканца Ангело Кларено, случившейся в Италии в 1304 г. Один из инквизиторов потерял терпение, столкнувшись с религиозной твердостью своих жертв:

«Хоть инквизитор и был ученым человеком из благородной семьи, он так обезумел от ярости, что стал пытать собственноручно. Когда один из братьев, подвергавшихся пыткам, воззвал к Христу, инквизитор впал в такую ярость, что стал бить этого человека по голове и по шее. Он ударил его с такой силой, что почти вбил в землю».

Для сакрального процесса пыток было важно, чтобы инквизитор не мучил жертву собственноручно, а также не впадал в ярость, нарушая таким образом таинство божественного правосудия.

*«Главный
инструмент
палача – кулаки
и сапоги. Все
остальное
излишне».*

Театр боли

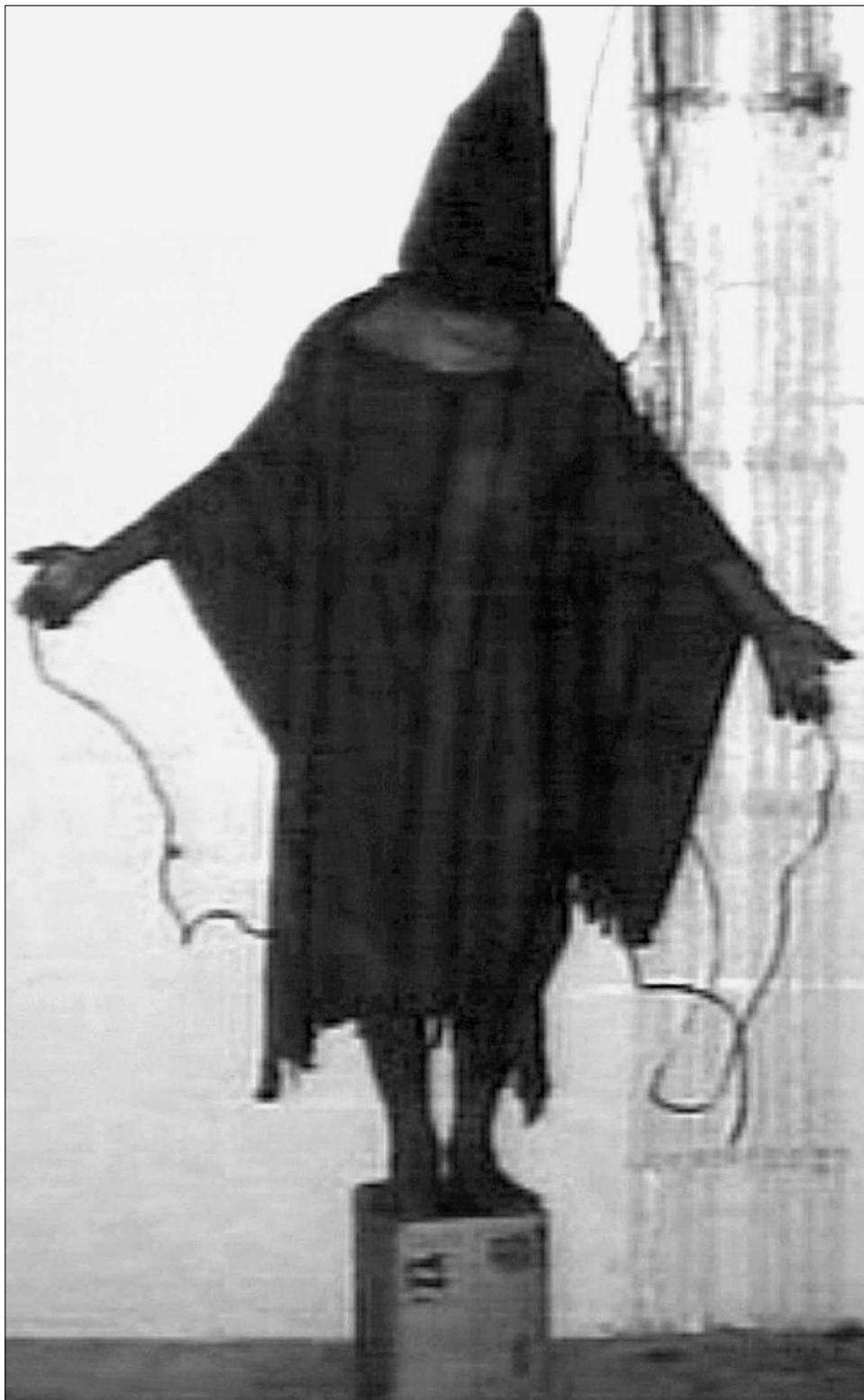
Опускаясь на уровень грубого бандита, представитель святой инквизиции нарушал священный ритуал.

Но его вспышка также разрушала саму структуру пыточного процесса, где ожидание и волнение были столь же важны, как боль. Пытки всегда были до некоторой степени театрализованным действием, выпускающим на волю и дьявольские фантазии палача, и темные страхи жертвы. Примерами таких пыток ожиданием являются капли «китайской пытки водой» и маятник По, медленно опускающийся к жертве. И то и другое — вероятно, выдумки, но они базируются на некоторых реальных фактах. Страх и тревога ломают сопротивление не хуже боли. Инквизиция перед пытками всегда первым делом показывала жертве пыточные инструменты и объясняла их применение. Многие еретики при виде этого начинали раскаиваться немедленно.

В 1989 г. в Гватемале была схвачена американская монахиня — сестра Диана Орtiz. Позже она рассказывала в Вашингтоне, что ее поместили в яму, где стонали и корчились раненые женщины, мужчины и дети, где гнили трупы и кишели крысы. Это была кошмарная сцена, почти художественная по подготовленности, призванная скорее привести в ужас и отчаяние, чем причинить физическую боль (хотя перед этим сестру Орtiz пытали именно физически). Когда турецкие войска заставляли старосту курдской деревни есть навоз, то дело было не в боли: его заставляли делать то, что было ему омерзительно. Кроме того, по сообщениям, у него на глазах били и пытали электрошоком его младших родственников. Когда в Конго бельгийские солдаты заставляли мальчиков насиловать своих матерей, шок для обоих участников точно не сводился к физическим ощущениям. Палачи с давних времен знают: принуждение к нарушению табу переживается не менее тяжело, чем физическое насилие.

Самые изощренные пытки всегда подключают эмоции и воображение, а не только тело. Палач, сумевший угадать и постичь тайные страхи своей жертвы, получает в свои руки эффективнейший инструмент подчинения. Опытный палач умеет наладить и использовать глубокую, пусть и одностороннюю, связь с жертвой, выбирая моменты страдания так, чтобы они превращались в личную драму, в нарратив: нарратив страдания и раскрывающейся правды.

*Для сакрального
процесса пыток
было важно,
чтобы инквизитор
не мучил жертву
собственноручно.*

Сатар Джабар наслаждается американским гостеприимством в Абу Грайбе. Ему сказали, что, если он упадет с ящика, его начнет бить электрическим током. Но стоять так в течение многих часов – непереносимо мучительно.